

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ (НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В статье рассматривается круг вопросов, относящихся к области индивидуальной модернизации, трансформирующей образ человека, его социально-психологические установки и ценности в сторону приближения к образу «модернити». Дан частичный сопоставительный анализ требований со стороны общества к трансформирующейся личности в двух несовпадающих парадигмах: в рамках протяженной во времени социально-экономической и культурной модернизационной стратегии, с одной стороны, и в случае ситуационного реагирования на множество разнонаправленных вызовов современности в условиях динамично меняющегося общества, с другой стороны. Показано различие некоторых определяющих личностных характеристик, доминантных черт и компенсационных психологических механизмов, задействованных в этих двух парадигмах.

Введение

В настоящее время в социальной философии разработан целый спектр концепций, нацеленных на изучение культурных, социальных и психологических последствий перехода от традиционного к современному обществу. Гуманитарная составляющая этого процесса – так называемая индивидуальная модернизация, трансформирующая социально-культурный облик человека в сторону «модернити». Как отмечает В. Г. Федотова, «считается аксиомой, что переход общества из традиционного состояния в современное... сопровождается персональной модернизацией индивида, включающей в себя не только функционально запрашиваемые качества – узкую профессионализацию, экономический интерес, эффективность, планирование времени, но и ряд принципиальных социокультурных изменений – развитие рациональности, инновативности, формирование в себе субъекта творческой деятельности, способности быть персонально ответственным, привыкать к разнообразию взглядов, обретать личное достоинство, партикуляризм и оптимизм» [1]. Вместе с тем имеет место своего рода несовпадение двух «списков» приоритетных качеств человека: в парадигмах искусственной социально-экономической *модернизирующей стратегии*, как в случае с попытками вестернизации и догоняющей модернизации, с одной стороны, и в условиях *ситуационного реагирования* на вызовы современности, когда есть требование готовности ко многим разнонаправленным вариантам социальной гибкости, мобильности, с другой стороны.

1. Личностные трансформации естественно-исторической модернизации

Переход от традиционного к современному обществу, формирование особого личностного типа было долгим и сложным. Можно говорить о социокультурных изменениях, начавшихся с европейских буржуазных революций и продолжавшихся в течение всего Нового времени; перемены были усилены возникновением национального государства, строительством система-

тического капиталистического производства, накоплением прикладного знания, прогрессивской культурно-цивилизационной парадигмой. Историческое приближение к эпохе «модернити» было медленным, неодновременным для разных культурных сообществ, часто останавливалось на полпути к сложившейся так называемой «поздней современности».

Драматичность, многослойность личностных трансформаций заключается в том, что многие общества находились на промежуточной стадии, осуществляя переход от доиндустриальной (аграрной) к техногенной, индустриальной цивилизации и в культурно-мировоззренческом плане двигаясь от общинно-коллективистских способов жизнедеятельности человека к обществу с частными формами социальной ориентации личности. При этом проявилась диалектика взаимодействия определенного типа общества и соответствующего типа личности. Традиционное общество было исторически первым, его черты распространены сейчас. Ряд исследователей отмечает, что попытки сконцентрировать усилия по модернизации одних сфер приводят к демодернизации других и реанимированию более архаичных пластов сознания из-за неадекватности избранной модели культуры народа.

Как отмечает В. Г. Федотова, традиционное общество – это общество, воспроизводящее себя на основе традиции и имеющее источником легитимации традицию, ее доминирование над инновацией; зависимость организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений, вообще большую роль вертикального измерения духовности, большую связь с сакральным в противовес горизонтальному измерению – практически-материальной составляющей и повседневной коммуникации; мысль о цикличности развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной персональности; глубоко укорененное самосознание личности как элемента коллективного целого; авторитарный характер власти; предэкономический, прединдустриальный характер; отсутствие массового образования; преобладание локального над универсальным и др. С другой стороны, к определяющим чертам «модернити» относятся преобладание инноваций над традицией; урбанизация, светский характер социальной жизни, поступательное (нециклическое) развитие; выделенная персональность; преимущественная ориентация на инструментальные ценности; требование более демократической системы власти; разнообразие позиций и многовариантность политического поведения; наличие отложенного спроса как способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; распространение образования; формирование активного деятельного типа личности; культурное представление о том, что знание может быть оспорено; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация); преобладание универсального над локальным и т.д. [2]. Личностные качества человека традиционного общества являются следствием единой фундаментальной установки.

Культурные ориентации, характерные для модерности, воплощаются в институтах, но не сводятся к ним. Историческое формирование нового человека на базе уже существовавшего духа и ментальности включило в себя развитие способностей самоопределения, «самовопрошания» и самотрансформации. В зависимости от адекватности представления человека о самом себе и о своем социокультурном статусе он мог строить и осуществлять свою

жизненную стратегию. Этот процесс исторически способствовал росту проектов самодетерминации [3]. Искусственный модерн не был столь эффективен, как показал последующий опыт, он должен был органично созреть как продукт социальной и культурной жизни на основе эндогенных культурных факторов.

Социально-психологический портрет человека эпохи модерна сложился преимущественно на базе рациональности, личной инициативы, предпринимательства, персональной ответственности и протестантской этики, когда аскетизм и концепция достижительности этого религиозного движения сложным образом преобразовались в функциональные теории социального развития. Произошло взаимопроникновение религиозных идеалов и интересов их социальных носителей. По-видимому, как отмечает С. Н. Гавров, «модерность, постепенно выходя за пределы Европы, стала распространяться по всему миру во многом потому, что никакие более традиционные общественные формы не могли противостоять ей. Вплоть до второй половины XX века реальное превосходство западной цивилизации над остальным миром было преобладающим, если не сказать абсолютным. <...> В качестве альтернативного западному пути развития в течение большей части прошлого века выступал социалистический проект, представлявший собой попытку достигнуть количественных экономических показателей ведущих государств модерности» [4]. Говоря о социокультурных предпосылках, характерных для идеи прогресса на протяжении всего периода ее существования, Р. Нисбет называет среди них веру в ценность прошлого; убежденность в величии западноевропейской цивилизации; высокую ценность, предписываемую экономическому и технологическому развитию; веру в разум и тот вид научно-исследовательского знания, который может быть порожден только разумом; убежденность в ни с чем не сравнимой *ценности* жизни на этой земле [5]. Утрата смысла и цели, связанных с Западом и его культурным наследием, приводит к изменению отношения не только к политическим, но также и социальным, культурным и религиозным институтам, пришедшим с Запада. Таким образом, построение обществ с чертами модерна не просто служило ускоренному преодолению отставания, но стало универсальным способом развития. Наблюдается тенденция рассматривать историю обществ других эпох и цивилизаций, а также общества на более ранних этапах его развития под углом их соответствия линейно-прогрессивной концепции.

2. Человек модерна как особый проект

Культурная и политическая программа Нового времени включила в себя установку на изменение социально-психологической модели человека в сторону модерна. Здесь обозначились две тенденции. Первая, проявившись в эпоху французской революции, дала возможность преодоления разрыва между трансцендентным и повседневным посредством активного социального действия, реализации утопических и эсхатологических мотивов [6]. Например, в XX в. политика часто обращалась к этой стороне коллективного бессознательного, ассоциируя достижения модерна с реализацией «*социальной утопии*». Это связано с тем, что моделирование социальной реальности сопряжено с идеализацией, т.е. часто с погружением в той или иной степени в утопию: утопический элемент реформ быстрее мобилизует массы, привлекая их иллюзией близости желаемого. Утопист – максималист, его несогла-

сие с действительностью тотально (модель построения социализма в одной стране, построения коммунизма к 1980 г., рыночной экономики за 500 дней и др.). «Погружение в утопию, пусть и отгораживающее барьером из грез человека от действительности, одновременно делает последнюю предметом умственных *манипуляций*, объектом *позитивного конструирования*, которое осуществляется согласно логике интеллектуального произвола» [7].

Фиксируемые утопией социальные и духовные ценности детерминируются реальными потребностями людей, но по принципу «компенсации». «Заимствуя свой материал из действительности, утопия лишь придает ему новые формы, и поэтому структура утопических идеалов отражает структуру формирующихся в обществе приоритетов и ценностей. Поэтому всякая утопия, трансцендентная исторически-конкретному, оказывает на него свое воздействие и даже, условно говоря, вступает в контакты с различными общественными группами» [7].

Вторая тенденция подчеркивает возможность легитимации индивидуальных целей вследствие разнообразия персональных интерпретаций общего блага. Растущая индивидуализация, вплоть до атомизации, позволила сконструировать идеальную социально-психологическую модель человека для оптимального взаимодействия с другими людьми и с институтами. Возможность нового порядка сделала актуальными символы автономии личности: равенство, свободу, справедливость, самореализацию, идентичность и др.

Впоследствии, желая сделать социально-экономическое развитие более динамичным, теоретики вестернизации и догоняющей модернизации XX в. стремились усовершенствовать не только общество с его институтами, но и базовый культурно-психологический тип. Были проанализированы глубокие, устойчивые образцы поведения, жизненные стратегии человека, способного успешно функционировать в современном обществе. Обнаружилась фундаментальная упорядоченность привычных и незаметных форм повседневной жизни, соизмеримость индивидуалистической разумной морали с установкой общества на развитие. Утопический тип мышления, определяющий видение мира в связи с выработанным социальным идеалом, достижение которого невозможно в существующих условиях, поставил задачу формирования человека нового социокультурного типа. Культурная идентичность не должна препятствовать функции поддержки технологических инноваций и экономическому развитию. Это вызвало запрос на социальные технологии как совокупность методов, «оказывающих влияние на поведение человека и служащих в руках власти средством социального контроля» [8], поскольку предполагалось, что природа человека такова, что сам он не в состоянии воспроизводить нужные черты рациональным образом.

В связи с этим задачей образования, воспитания нового индивида и в целом социализации становятся личностные характеристики, которые прежде не были востребованы и не могли сложиться в рамках традиционной модели личности. Воспитательная и социализирующая функции обеспечивают не только формирование личности, но и интегрирующие связи между поколениями в обществе, создавая условия для его стабильности и успешного развития. Разработка социальных технологий, в принципе, не встречала никаких препятствий, поскольку она должна была ускорить встраивание человека в новую, предвосхищаемую реальность, практически трансформировать социокультурные установки на основе взглядов об идеальных условиях буду-

щего. Быстрый рост численности «личностей типа А» (менее пассивно-созерцательного, нежели «тип В») призван был обеспечить жизнеспособность модернизирующегося общества, поддерживая изменения государства и экономики. У. Бек рисует картину «тройной индивидуализации»: «Освобождение от исторически заданных социальных форм и связей в смысле традиционных обстоятельств господства и обеспечения («аспект освобождения»), утрата традиционной стабильности с точки зрения действенного знания, веры и принятых норм («аспект разволшебствования») и – что как бы инвертирует смысл понятия – переход к новому виду социокультурной интеграции («аспект контроля и реинтеграции»)» [9]. Социально-психологический образ человека модерна перекликается с анализом А. Маслоу самоактуализирующегося индивида, для которого «мотивацией является личностный рост, а не преодоление внешних по отношению к нему недостатков, стремление наиболее полно реализовать себя, самосовершенствование, самовыражение, ориентация на долговременные, а не сиюминутные интересы, развитие, одним словом, самоактуализация; эти люди целенаправленны, креативны и автономны» [10]. основополагающими требованиями к самоактуализирующемуся индивиду является опора на самого себя, свои знания, умения и способности; совершенствование их, развитие творческого потенциала (испытывая свои возможности, человек образует себя, свой внутренний мир и приобретает интеллектуальный и социальный капитал); социальная активность, направленная на преодоление обстоятельств внешней среды; готовность к трудовой аскезе; высокая профессиональная квалификация и восприимчивость к новому; готовность защищать свои выгоды и интересы; конкурентность как эффективность в достижении успеха с наименьшими затратами ресурсов наряду со способностью к солидаризации и взаимодействию; целеустремленность, рациональность и ответственность, а также другие санкционированные социумом позитивные свойства и ценности, предполагающие, однако, хоть сколько-нибудь стабильное, однонаправленное и по возможности долговременное развитие. Приближение к модерности как стратегический проект допускает рецессивную, непоступательную динамику, прогресс и регресс, но при анализе достаточно длительного временного контекста должно просматриваться продвижение вперед, в сторону улучшения жизни и накопления достижений и технологических новшеств. Вырастая из «хронолинейки» прогресса, оно интерпретируется как продвижение к лучшему будущему.

Попытки модернизирующей трансформации культуры связаны с движением перед человеком целей, отнесенных к будущему, т.е. целей, которые находятся за пределами настоящего. Рассматривая своего рода изолированность во времени как одну из причин незавершенности проекта модерна, Р. Нисбет отмечает, что мысль о прошлом жизненно важна для идеи прогресса. «Обычно, когда речь идет о прогрессе, в голову тут же приходит будущее; но осознание движения от прошлого к настоящему – движения, которое можно без труда «телескопически выдвинуть», экстраполировать в будущее, – могло появиться лишь тогда, когда люди осознали наличие у них продолжительного прошлого» [5]. Воспоминания о прошлом лежали в основе веры в прогресс во все те периоды, когда эта вера переживала свой расцвет. Люди обращались к прошлому как к чему-то большему, нежели руководство по управлению настоящим, считали, что, изучая его, можно распознать будущее и даже, быть может, предсказать его. «Речь не идет о том, что мы действи-

тельно можем распознать будущее надежным образом, просто изучая тенденции прошлого и настоящего. Будущее – подходящий предмет для намеков, интуиции, предположений и догадок, но это менее важно, чем историческая связь людей с прошлым, представляющая собой непреходящий элемент поддержания человеческой жизни в настоящем и средств осознать будущее в качестве самостоятельной и реальной временной структуры» [5].

Хотя естественно-исторический прогресс – это не то же самое, что стремление приблизить человека к образу модерности, нельзя сказать, что они совершенно не связаны друг с другом. «Бедность воображения», сосредоточенность на «здесь и сейчас», неспособность к выходу за рамки требований настоящего времени, имеющих в различной мере ситуативный характер, повлияла на высокую степень морального разочарования в проекте модерна. Анализируя упадок идеи прогресса и стремления к лучшему будущему в странах с состоявшейся модернизацией, Нисбет отмечает разрушающую роль потери гордости за историческое прошлое, которая приводит к ощущению бессмысленности и бесцельности того, что делается сейчас и что делали предыдущие поколения. Вместе с тем, в отличие от проблемы современности проблема модернизации (перехода к современности) возникает в ситуации глубочайшей «хронополитической травмы», вызванной сознанием несовременности, отсталости своей страны по сравнению с другими. Жить с таким сознанием – само по себе «шок», рождающий мысль о необходимости «шоковой терапии» с целью возвращения себе утраченного статуса современности [11].

3. Личностная модернизация как ситуационное реагирование на вызовы современности

Трудность социокультурных преобразований связана еще и с возросшей динамикой, нелинейностью, неустойчивостью изменений, масштабностью и уровнем социальных и демографических катастроф, когда не срабатывает предупреждающая, предвосхищающая психологическая и социальная адаптация человека на примере жизни предыдущих поколений, как это происходит при органичной естественно-исторической модернизации. Такие качества самоактуализирующейся личности, как способность к самоопределению, осознанному выбору, способность прогноза вероятных последствий этого выбора, ответственность перед собственным будущим оказываются частично парализованными. Человек вынужден ориентироваться в ситуации неопределенности, приспосабливаться к несоизмеримому с ним давлению, соответствовать неартикулируемым требованиям, времени на подготовку к которым у него не будет. П. Штомпка рассматривает эту ситуацию в терминах социальной травмы, которая завершается либо ее преодолением, либо углублением «социокультурного шока», либо сохранением травмы при адаптации к ней [12]. С другой стороны, анализируя феномен российской модернизации, В. Ф. Наумова при рассмотрении российской цивилизации как системы стратегических ответов человека, его рациональных реакций на долговременные стрессовые ситуации, провоцируемые повторяющимися запаздывающими модернизациями, приходит к выводу, что «нельзя не заметить сходства некоторых характеристик с теми характеристиками стрессовых ситуаций, которые, по мнению современных исследователей, наиболее сильно влияют на человека, его поведение и сознание. Это длительность стресса и его неконтролируемость, большая доля вовлеченного в него населения, ско-

рость, с которой происходит такое вовлечение, его продолжительность, глубина и повторное вовлечение, а также степень незнакомости, непривычности, новизны кризисной ситуации» [13].

В условиях противоречивых разновекторных социально-экономических и культурных изменений имеет смысл, по-видимому, пересмотреть список требований к человеку обществ «зрелого модерна», «поздней современности», а также тех, которые только пытаются достичь этой стадии развития. П. И. Бабочкин анализирует социально-психологические и социокультурные характеристики «человека эпохи модернити» через понятие жизнеспособности, выделяя такие свойства, как высокая психологическая устойчивость; высокий уровень самоорганизации человека; способность сохранять и реализовывать в различных ситуациях свои «смысложизненные» позиции; высокая мобильность, позволяющая привязать среду обитания к потребностям человека (но в малых европейских странах переселения с места на место традиционно имеют меньшее значение, чем в переселенческих государствах [14]); способность к преодолению трудностей, особенно внутреннего характера (борьба мотивов и др.). «Смысл жизнеспособности человека в условиях динамично изменяющейся социальной среды состоит в том, чтобы не только выжить, не деградируя физически и духовно, а стать индивидуальностью, сформировать свои смысложизненные, мировоззренческие установки, реализовать свои задатки и потребности в социально значимой деятельности, продуктивной самореализации» [15]. В. Г. Федотова выделяет такие помехи социальной адаптации личности в бурно меняющемся мире, как утрата ею контроля над социальными процессами, восприятие их как квазиприродных; неспособность человека и общества контролировать перемены; неспособность человека к планированию и достижению долговременных целей, жизненных стратегий [16]. Проблема самоактуализации переводит вопрос об ответственности человека за свою успешность, эффективность в такую плоскость, что он должен сам отвечать за то, состоялся ли он. Только в независимых от него социоприродных его чертах он может возлагать вину на судьбу: самоактуализирующийся индивид не тот, которому что-то добавлено, а тот, у которого природой ничего не отнято. Как отмечает З. Бауман, «имеет место нарастающий разрыв между индивидуальностью как предназначением и индивидуальностью как практической способностью самоутверждения. <...> Если они заболевают, то только потому, что не были достаточно решительны и последовательны в соблюдении здорового образа жизни. Если они остаются безработными, то оттого, что не научились проходить собеседования, не очень-то старались найти работу или же, говоря проще и прямее, просто от нее уклоняются. Если они не уверены в перспективах карьеры или дергаются при любой мысли о своем будущем, то лишь потому, что не слишком склонны обзаводиться друзьями и влиятельными знакомыми или же не смогли научиться искусству самовыражения и производить впечатление на других людей. Так, во всяком случае, им говорят, и они, похоже, верят этому, всем своим поведением показывая, будто и на самом деле все именно так и обстоит. <...> Риски и противоречия по-прежнему исходят от общества; индивидуализируются разве что долг и необходимость учитывать и преодолевать их» [17]. Это то, что У. Бек называет «индивидуацией», чтобы отличать самостоятельного и саморазвивающегося индивида от просто «индивидуализированной» личности, т.е. от человека, у которого не остается иного выбора, кроме как дей-

ствовать так, как если бы «индивидуация» была достигнута. Образ жизни человека становится *биографическим решением системных противоречий* [9].

В дрящей ситуации стресса, шока социально-психологическая структура личности должна быть такой, чтобы дать возможность немедленно отреагировать на множество разнонаправленных вызовов, используя наработанный личностный и интеллектуальный капитал, исходя из сложившейся ситуации и своего опыта, и выдерживать этот шок долгое время. Российская запаздывающая (рецидивирующая) модернизация – это повторяющаяся ситуация ярко выраженного и продолжительного социального стресса, «влияние которого на психологию и стиль поведения неизбежно и значительно» [13]. С другой стороны, по мнению В. Ф. Наумовой, «закольцованность» российской истории и свойство исторической, передаваемой из поколения в поколение «знакомости» не просто облегчают адаптацию к ней, они позволяют накапливать опыт жизни в катастрофических условиях. Это феномен так называемых «цивилизаций суровой истории». Рецидивирующая, т.е. периодически возвращающаяся догоняющая модернизация с ее тяжелыми социальными последствиями и высокой человеческой ценой – один из ключевых элементов непростой истории России, в результате которого сформировалась система рациональных, т.е. социально и личностно эффективных ответов человека на вызовы исторической судьбы. Возникает «цивилизация суровой истории» как естественно сложившийся, оптимальный способ жизни [13].

Так или иначе, можно заметить, что нужен сопоставительный анализ несовпадающих «списков» доминантных черт личности и компенсирующих психологических механизмов, требуемых социумом от человека, движущегося по пути индивидуальной модернизации. С одной стороны, это движение может происходить в рамках последовательной, продуманной длительной стратегии на изменение социально-культурного и психологического типа личности в сторону модерности, с другой стороны, по выражению Ортеги-и-Гассета, в условиях «растворения всякой перспективы в клубке окказиональностей», когда сиюминутные запросы современности выдвигают на первый план иные инициированные извне социально-психологические установки и приоритеты.

Список литературы

1. **Федотова, В. Г.** Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека / В. Г. Федотова // Знание, понимание, умение. – 2007. – № 1. – С. 163.
2. **Федотова, В. Г.** Модернизация «другой» Европы / В. Г. Федотова. – М. : Изд-во ИФ РАН, 1997.
3. **Арнасон, Й.** Коммунизм и модерность / Й. Арнасон // Теории социального изменения. Проблема множественности модерности. Аналитический обзор / П. Н. Фомичев. – М. : ИНИОН РАН, 2001.
4. **Гавров, С. Н.** Модернизация во имя империи / С. Н. Гавров. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – С. 18.
5. **Нисбет, Р.** Прогресс: история идеи / Р. Нисбет. – М. : ИРИСЭН, 2007.
6. **Айзенштадт, С.** Множественные модерности / С. Айзенштадт // Теории социального изменения. Проблема множественности модерности. Аналитический обзор / П. Н. Фомичев. – М. : ИНИОН РАН, 2001.
7. **Сиземская, И. Н.** Три модели развития России / И. Н. Сиземская, Л. И. Новикова. – М. : Изд-во ИФ РАН, 2000. – С. 97–100.

8. **Мангейм, К.** Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – М. : Юрист, 1994. – С. 414.
9. **Бек, У.** Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 36.
10. **Маслоу, А.** Мотивация и личность / А. Маслоу. – М. : Питер, 2006. – С. 193–195.
11. **Межуев, В. М.** Проблема современности в контексте модернизации и глобализации / В. М. Межуев // Этангистские модели модернизации / под ред. В. Н. Шевченко. – М., 2002. – С. 143.
12. **Штомпка, П.** Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М. : Аспект-Пресс, 1996.
13. **Наумова, Н. Ф.** Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? / Н. Ф. Наумова. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – С. 18.
14. **Травин, Д.** Европейская модернизация / Д. Травин, О. Маргания. – М. ; СПб. : Terra fantastica, 2004. – Кн. 1.
15. **Бабочкин, П. И.** Становление жизнеспособной молодежи в динамично изменяющемся обществе / П. И. Бабочкин. – М., 2000.
16. **Федотова, В. Г.** Апатия на Западе и в России / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2005. – № 3.
17. **Бауман, З.** Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М. : Логос, 2005. – С. 59.